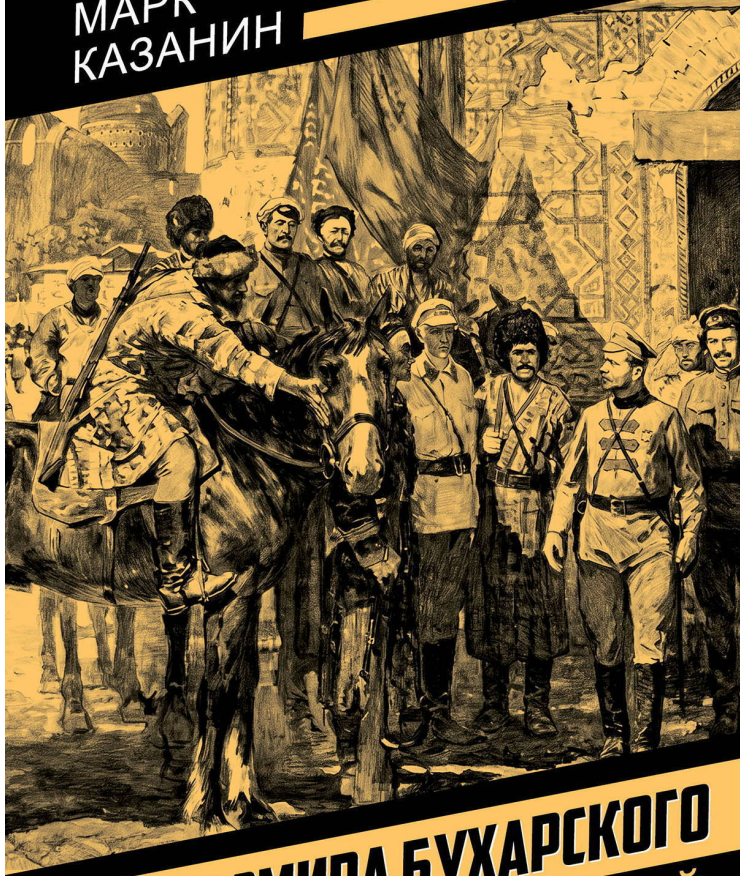

МАРК
КАЗАНИН

РУБИН ЭМИРА БУХАРСКОГО
ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Марк Исаакович Казанин

Рубин эмира Бухарского

Серия «Тайный фронт»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140157

Рубин эмира Бухарского: ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»;
ISBN 978-5-00269-552-2

Аннотация

Марк Исаакович Казанин (1899–1972) – писатель, востоковед, географ – был яркой личностью. Его книги получили мировую славу. Герой этого шпионского романа, молодой талантливый филолог, мечтал изучать культуру Востока, старался добраться до Индии. Но его захватили удивительные события в революционной Фергане. Он разгадает тайну эмира Бухарского, поможет вывести на чистую воду шпионов, поучаствует в схватках с басмачами. Чекисты работают под прикрытием археологической экспедиции. Неожиданный финал порадует ценителей классического детектива. Роман обязателен к прочтению для всех настоящих ценителей остросюжетного жанра.

Содержание

Глава I	6
Глава II	39
Глава III	72
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Марк Исаакович Казанин

Рубин эмира Бухарского

© Казанин М.И., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Марк Казанин

Глава I

Бегство

I

В первый раз я слышал про рубин эмира Алим-хана в поезде, направлявшемся из Петрограда в Туркестан. Была весна 1921 года, и поезд тогда именно направлялся, а не летел, мчался или хотя бы равномерно шел. Он бесчисленное количество раз останавливался на станциях, на полустанках, а случалось – и в середине пути; мы вылезали из вагонов, требовали, искали или реквизировали, то есть попросту присваивали, где-либо поблизости дрова для паровоза. Не раз нам приходилось расчищать и ремонтировать путь на опасных, пришедших в ветхость участках. Это был поезд-эшелон с весьма многообразными целями, очень хорошо и умно задуманный. Но все это стало ясным для меня далеко не сразу. Я ехал фактически незаконно, но и об этом потом. А теперь я вам расскажу, что я слышал в поезде о рубине.

Паша и я лежали на верхних полках и прислушивались. Говорил массивного вида человек лет шестидесяти с лишним, с небольшой седой бородкой, и обращался он к своему соседу напротив, представлявшему собой по внешности

полную ему противоположность. Это был худой, аккуратно выбритый человек средних лет в полувоенном костюме.

— Так вот, — рассказывал пожилой человек. Произношение у него было чисто русское, простое, почти народное. Но точность выражений, умение кратко передать сущность описываемого говорили о владении словом, о том, что этому человеку, вероятно, приходилось читать лекции, делать доклады. Слушать его было очень интересно. — Так вот, рубин этот исчез, и где и когда, в каком месте он выплывает — неизвестно. Ценность его громадна. Это самый большой рубин в мире и самого редкого цвета — голубиной крови. А ведь большие рубины в силу их редкости стоят в три раза больше алмазов той же величины. До сих пор неизвестно точно, где он был добыт, что, впрочем, характерно для многих драгоценных камней, за которыми тянется хвост тайн, интриг и часто преступлений. Предполагают, что родина его, как и других известных рубинов, — Верхняя Бирма, так называемые Шаньские княжества. Из Бирмы рубин попал через Индию в Афганистан, откуда эмир и получил его еще осенью 1917 года. Какую цену он заплатил за него, мы не знаем и можем только догадываться, во сколько вакуфов, стад и золота он обошелся. Камень, еще неотделанный, был вмонтирован в массивный золотой полуобруч, нечто вроде тиары, а полуобруч накрепко пришит к специальной чалме, надевавшейся на голову в торжественных случаях. Постоянно носить такую тяжесть на голове трудно. Поэтому чалма лежала на особой

подушке, и лишь на короткое время, когда вводили послов, эмир снимал свою обычную чалму и надевал поданную ему диван-беги чалму с великолепным, блистающим всеми своими гранями рубином. Быть может, он воздерживался носить ее по другим причинам. По слухам, Алим-хан хотел преподнести рубин английскому королю, так как после падения русского царя, вассалом которого он являлся, он задумал отделиться от России. Камень попал бы в английскую коронную сокровищницу в Лондонском Тауэре, купив этим эмиру милость нового сюзерена, а эмир, как мечталось ему, был бы приравнен к знатнейшим магараджам Индии.

Однако в последний момент – я имею в виду переворот в Бухаре осенью прошлого, 1920 года и падение эмира – рубин исчез. Перед бегством эмира во дворце перевернули все вверх дном. Кушбеги обезглавил десяток ни в чем не повинных людей; по подозрению в похищении рубина в отдаленных покоях дворца наскоро пытали нескольких жен и сыновей эмира, но и это ничего не дало. Фатальной ночью с 1 на 2 сентября, когда его высочеству Алим-хану пришлось выбирать между жизнью и рубином, он не без гнева и проклятий выбрал первое и еще до рассвета, захватив оставшиеся драгоценности, гарем и сохранивших ему верность приближенных, бежал через Пяндж.

Мы слушали затаив дыхание.

– Где же рубин сейчас? – слышался неожиданно низкий и ровный голос худощавого слушателя.

– Кто знает... – пожал плечами рассказчик. – Поскольку эмир его не увез, он должен быть в Туркестане, и, может быть, вор до сего дня дожидается случая продать или вывезти его.

– Уж наверное вывез, – покачал головой худощавый человек. – Советская Россия, сколько ни старайся, – неподходящий рынок для реализации коронных драгоценностей. Но все-таки кто же мог быть вор?

– Носились слухи, что эмир узнал, кто вор, и послал за ним погоню, однако вблизи Ферганы вор ускользнул, но, говорят, без камня. В таком случае рубин все же где-то в Туркестане.

– Но откуда это может быть известно?

– Этого, конечно, я не могу сказать. У народа тысяча глаз и тысяча ушей. Какое-нибудь основание, видимо, есть.

Наступило молчание, пользуясь которым, мы с Пашей сползли вниз.

Рассказчик при ближайшем рассмотрении не только подтверждал, но и усиливал благоприятное впечатление, создававшееся от его речи. Во всем его облике, в движениях, взгляде чувствовались спокойствие и достоинство. Конечно, я был всего лишь малонаблюдательным молодым человеком, и люди если напоминали мне что-либо, то обязательно книжное. Я смог бы описать блондинку, только сказав, похожа она, по моему мнению, на Ольгу Ларину или нет. Так вот, рассказчик лицом очень русского склада больше всего похо-

дил, я бы сказал, на портреты русских генералов, которые я видел в исторических книгах и в старых номерах журнала «Нива». Чувствовалось, что он привык к власти, к уважению, но вместе с тем в нем не было и следа надменности или кичливости.

Я перевел глаза на второго собеседника. Его гораздо труднее описать, тут я и не мастер. Когда он привстал и потянулся к пепельнице, я обнаружил, что он выше среднего роста. Он был бы почти стандартного и поэтому почти неинтересного европейского типа, если бы не две детали: необычайная подвижность лица, говорившая о большой и непрестанной внутренней работе, и ясные спокойные серые глаза, совершенно не соответствующие общему нервному его выражению. На мгновение эти глаза остановились на мне. Я почувствовал их силу, или, как говорят нынешние физики, проникающую способность. Это был как зонд, неторопливо входивший в мой мозг без наглости, но и без застенчивости, без любопытства, но и без равнодушия. Когда они на вас останавливались, он вас изучал.

Внезапно он поднялся, и я вновь услышал его низкий глуховатый голос с, может быть, чуть-чуть излишне отчетливым произношением:

– Ну что ж, спасибо за интересную историю. Давайте заодно уж представимся друг другу. Моя фамилия – Листер.

– Очень приятно, – приподнявшись, сказал «мой портрет» из «Нивы» и протянул руку. – А моя фамилия Толма-

чев.

Серые глаза Листера остановились на Толмачеве: зонд шел прямо в середину.

– Не профессор Толмачев, археолог?

– Археолог, да, – последовал неторопливый ответ.

– Как интересно! Ну что ж, тогда нам только сидеть у ваших ног и слушать. Какой счастливый случай иметь такого попутчика.

– Что ж, буду рад потолковать и вас послушать. Времени у нас хватит. Вы, я полагаю, до конца?

– До конца, – подтвердил Листер. – Еду лечиться в Туркестан. Говорят, сушь и солнце спасут. У меня незалеченный туберкулез. В свое время помогла Швейцария – я около года пролежал в Давосе, но недавно, после этих трудных лег, опять была скверная вспышка.

Листер хотел выйти из купе, но почему-то поколебался, потом сказал, обращаясь ко мне и Паше:

– Нам, собственно, как соседям и попутчикам, следовало бы всем быть знакомыми. Павла я уже узнал, а вы, наш молодой длинный друг?

Луч был на мне.

Как трудно подавить врожденную застенчивость. Я проглотил слюну и сказал:

– Аристов. Глеб.

– Ну и прекрасно.

Он исчез в дверях.

Эмир Бухарский

Вскоре вышли в коридор и мы.

– А ты что, Паша, разве знаешь того тонкого? – обратился я к своему другу, когда мы оказались одни.

– Да, – ответил Паша немного смущенно, – мы познакомились при посадке.

– Но ведь мы же были все время вместе?

– Нет, я еще до тебя раз приходил на поезд. Этим было все исчерпано.

Все же мне казалось необычным, что Паша, такой малообщительный, успел заключить знакомство так быстро и что его новый знакомый звал его по имени. Но продолжать расспросы на эту тему я не мог, хотя бы уже потому, что, в конце концов, Паша был хозяином положения, я же не более чем зайцем.

Дело в том, что накануне ночью мы погрузились очень поздно, и я вошел в вагон последним. Я предполагал, что мне без билета или малейших проездных документов придется ехать всю дорогу, скрючившись в каком-либо кутке или на багажной полке. Но Паша провел меня в купе и, показав наверх, сказал только три слова: «Залезай и спи», – что я и сделал. До того, как заснуть, я прислушивался ко всем шорохам в вагоне, и у меня не раз возникало сомнение: «А ну как проверка документов или билетов?» Меня мучительно тянуло юркнуть вниз под лавку, но я сдерживал себя, украдкой поглядывал на Пашу, который оставался невозмутимым. Ночь прошла спокойно, и теперь мы, как я сказал, мирно стояли у окна в коридоре, как будто оба были одинаково полноправными пассажирами.

– А кто еще есть в вагоне? – несмело спросил я.

Паша искоса взглянул на меня:

– Да вот увидишь сам.

Тут за Пашиной спиной откатилась дверь купе, и из него

вышли пожилая женщина и тоненькая девушка лет шестнадцати. Лицо девушки осветилось радостью, когда она увидела Пашу. Она кивнула ему, а мать (если это была ее мать) обратилась к нему:

– А, Паша! Что, встал Владимир Николаевич?

– Встал, встал, – отвечал он, украдкой поглядывая на девушку. – Позвать его?

– Зачем? Давайте все зайдем к нему.

Поразительно, как это Паша всех знал и все знали его. Я разглядывал своих новых спутников. Дама была, вероятно, не намного моложе своего мужа. (По тому, как она, войдя, поцеловала Толмачева в лоб, я заключил, что это были муж и жена.) Она была в очках, плотная, с круглым и несколько плоским лицом, однако же, если смотреть в профиль, выделялся неожиданно хорошо вылепленный и очень отчетливый маленький подбородок и безукоризненной формы небольшой нос. Молодая девушка не была похожа ни на мать, ни на отца. Так как она играет немаловажную роль в последующей истории и в дальнейших перипетиях моей жизни, я хочу дать о ней общее представление. Она была маленького роста и выглядела неоформившимся подростком. Но что прежде всего привлекало в ней – это ее лицо, его абсолютная чистота, ясность, и на нем самые поразительные глаза, какие мне когда-либо доводилось видеть. Это были бездонные глаза, светлые, почти прозрачные, за которыми чудился целый невысказанный, неизведанный мир. Я видел, что Па-

ша, несмотря на все желание казаться незаинтересованным, не мог отвести взгляда от лица девушки. Паше, видимо, хотелось познакомить меня с обеими пассажирками, но он не знал, как это делается.

– Ну, Володя, – сказала дама (и как странно прозвучало, когда этого пожилого властного человека назвали Володей!), – надо собирать завтрак. Если будет кипяток, я вас всех накормлю.

Толмачев с сомнением покачал головой. Как раз в это время дверь отворилась и вошел Листер.

– А вот и сосед, – приветствовал его Толмачев. – Знакомьтесь, товарищ Листер, – моя жена, Александра Ивановна, и Катя, племянница. Какие у нас перспективы насчет кипятка?

– На станциях – никаких, – ответил Листер, пожимая руки женщинам, – вся надежда на кипяток с паровоза.

Дверь вновь открылась, и на пороге показался молодой человек моих или Пашиных лет.

– Доброе утро! – Он обвел глазами всех. – Здравствуй-те, Александра Ивановна! Здравствуйте, Катя! Извините за вторжение, но я вас не нашел в вашем купе и решил, что вы здесь. Я не помешаю?

– Зайдите, Борис, – приветливо сказала Александра Ивановна. – Знакомьтесь и садитесь. Борис Ратаевский, – отрекомендовала она его.

Я сразу же преисполнился мучительной завистью к нему.

Он был в меру высок, черты лица правильны, движения свободны и, я бы сказал, элегантны. Он непринужденно поклонился всем и сел возле Кати. Вблизи он казался хуже – глаза выглядели тускловатыми, кожа была нечистой.

– Катя, – сказал он, – вы не забыли наш уговор?

Паша замер.

– Какой? – подняла Катя брови.

– Как вы легко забываете! Мы же хотели готовить вечер.

– Ну и что?

– Ну, помните эту игру в знакомых, о которой мы говорили? Я буду говорить или изображать, вы угадывать. Ну, помните: «Козьи ножки, нос крючком» или...

– Да, да, – сухо ответила она.

– Что же вы, раздумали?

– Я не раздумала, я и тогда не хотела.

– Отчего же?

Катя ничего не ответила.

– Ну, я думаю, Катя права, – слышался голос Листера. – И я догадываюсь почему. Я бы тоже не играл в такого рода игру.

– Почему это? – недоуменно спросил Борис.

– Такая игра легко приобретает нехороший привкус.

– Какой это? – почти запальчиво вырвалось у Бориса.

– Начинается с высмеивания, а кончается глумлением, да еще за спиной, – закончил Листер.

Катя бросила на него быстрый благодарный взгляд.

Паша оттаял.

В это время поезд дернуло вперед, назад, вагоны со скрежетом наезжали друг на друга. Мы схватились за полки. Толчок, рывок – поезд остановился.

– Ну, кто за кипятком? – возгласил Листер.

Паша уже был на ногах, встал и я. Ратаевский попытался подняться, но, сделав несколько символических движений, остался сидеть.

3

Набрав кипяток, мы с Пашей заглянули на вокзал. Это была крошечная комната для ожидания. То, что мы увидели там, потрясло меня, да и Пашу, я думаю, тоже. На грязном полу лежал на овчинах, видимо в жару, бородатый мужчина, и около него копошилось двое маленьких высохших существ. Паша открыл заднюю дверь, чтобы лучше осветить комнату, и сквозь просвет дверей мы увидели, что во дворе лежало или сидело, кое-как прислонившись к железной сетчатой изгороди, еще много мужчин, женщин и детей, маленьких скелетов с огромными вздувшимися животиками.

– Что это? – не веря своим глазам, спросили мы станционного сторожа.

И он объяснил нам, что это первые беженцы – голодающие с Волги.

– Поторапливайтесь, – прибавил он, – а то еще поезд тро-

нется.

С ужасным впечатлением мы вернулись в вагон и рассказали об увиденном. У Александры Ивановны, расставлявшей стаканы и блюда на чистой салфетке и вынимавшей завтрак из дорожной корзины, пальцы застыли в воздухе.

– Несите им что-нибудь, дети, – быстро проговорила она. – Скорее! – Александра Ивановна поспешно вынимала из чемодана кульки и мешочки. – Здесь хлеб, сахар, консервы.

– Подождите, – вмешалась Катя, – вот еще это. – Она развязала платочек. – Мне на счастье дали два золотых, возьмите.

– Ну да, вот это хорошо, – сказала Александра Ивановна. – Им на рынке, может быть, что-нибудь купят. Не мешкайте.

Паша и я были готовы, но нас предупредил Ратаевский.

– Давайте, теперь я, – вызвался он и, быстро приняв все на вытянутые руки, через минуту исчез.

– Ну что ж, завтракать все же нужно, – проговорила Александра Ивановна. – Катя, передавай стаканы и мажь хлеб вот этим. Ну, давайте, давайте принимайтесь за еду. Прошу вас, простите, как вас звать-величать?

– Эспер Константинович, – отозвался Листер.

Паша и я отказались от завтрака. Я не люблю, когда меня кормят, и, раз сказав «нет», я уж не отступлю; Паша был еще более самолюбив, чем я.

Александра Ивановна рассердилась:

– Вы что же это фокусничаете? Или обидеть меня решили?

Катя смотрела на меня и на Пашу в очевидном замешательстве.

В это время вернулся Ратаевский.

– Ну вот, Борис, надеюсь, вы, по крайней мере, не будете кривляться. Садитесь завтракать.

– С удовольствием, – сказал слегка запыхавшийся Борис. – Куда разрешите?

Нас выручил Эспер Константинович:

– Вы знаете, мы с удовольствием будем завтракать все вместе, но не как гости, а как участники. Паша, Глеб, вытаскивайте, что у вас есть. Я вношу яблоки, – он вытащил мешок из-под лавки, – и вот еще консервы.

У нас, к сожалению, был только черный хлеб, ржавые селедки и купленный на базаре самодельный постный сахар. Ратаевский чуть покосился на такое угощение. Катя с радостью взялась чистить селедку и класть ее на хлеб.

Так мы, на коммунальных началах, продолжали наш путь.

4

Все это может показаться не идущим к делу, не связанным с рубином, но такова была последовательность событий, и только так, как люди, вещи и факты входили и выходили из

поля моего зрения, я могу их описывать.

После завтрака Паша и я вышли в коридор, чтобы дать Толмачевым возможность побыть одним, а через минуту к нам присоединился и Листер. Мы смотрели в окно. Поезд подходил к какой-то узловой станции. Начали мелькать боковые пути, порожние вагоны, заржавленные, валявшиеся по обочинам скаты, мертвые паровозы. Сколько их было тогда на Руси!

На этой станции Паша, Листер и я прошли вдоль всего нашего поезда. Он состоял примерно из трех десятков товарных вагонов; большая часть из них была запломбирована и забита накрест тяжелыми брусьями; несколько вагонов были приспособлены под теплушки; в одной весело пылала походная печурка, вокруг сидели красноармейцы и кое-где поблескивали стволы ружей.

Мое внимание прежде всего привлекли дощечки на каждом вагоне с надписью краской: «Пролетарский Петроград – революционному Туркестану». Движимый любопытством, я остановился возле одной из этих довольно неаккуратно и наспех написанных дощечек и вопросительно поглядел на Павла.

– Подарки везем, – лаконически отозвался он.

Мне сразу стало ясно, что мы находимся в составе неприкосновенного маршрутного эшелона. Впереди зеленел единственный классный вагон – это мог быть только наш. У подножки тамбура стояла толпа.

Подойдя ближе, мы увидели, что шло препирательство между молодым высоким военным в галифе, с небольшим щегольским револьвером у пояса, и начальником станции, который упрямо, по-видимому в сотый раз, повторял:

– Вагон дальше идти не может. Надо менять бандажи. Другого классного вагона у нас нет, но, может быть, этот в течение суток приведем в порядок. Безобразие, что вас пропустили без осмотра на Званке.

– Так что же? – уже беспомощно, видимо сдаваясь, спросил молодой человек с револьвером. Это был, как видно, комендант нашего эшелона.

– Ну вот, сгружайте вещи, если не хотите, чтобы их увезли с вагоном в депо, и ждите. Я дам вам где поместиться. Эшелон ваш я с этого пути не сдвину, а завтра в это время тронетесь, – ответил начальник станции.

– Выгружаться! – скомандовал комендант и пошел вдоль поезда. – Предупредите всех в вашем вагоне, – сказал он нам.

Началась обычная в таких случаях суматоха. Толмачев и Листер поднялись к себе. Паша ушел по какому-то делу с комендантом, на ходу бросив мне и Кате:

– Зайдите в купе к Ратаевскому, пусть выгружается, а если его нет, возьмите его вещи и перенесите.

Мы с Катей постучали в последнее купе, но никто не отозвался. Тогда я открыл дверь, взял вещи Ратаевского, скатал в одеяло, и мы вышли. Катя спрыгнула первой, я протянул

ей узел. В это время поезд дернуло (очевидно, маневровый паровоз пробовал свои силы), узел ударился о поручни вагона, развалился, и его содержимое рассыпалось по земле. Мы с Катей бросились собирать.

Внезапно Катя покраснела, как краснеют только очень молодые девушки. Она держала что-то в руках, не поднимаясь и не глядя мне в лицо. Я наклонился к ней. Катя подняла глаза, и я увидел, что они были совсем темные от гнева.

Я ничего не сказал, но если бы Ратаевский был там, не колеблясь загнал бы его под колеса.

В это время подошел Паша с тяжелым ящиком на плечах. У него реакция была быстрее и четче, чем у меня, да и жизненный опыт несравненно больше моего. Одного взгляда ему оказалось достаточно, чтобы понять, в чем состояла причина замешательства. Он поставил ящик, взял с Катиной ладони находку, сунул ее в карман, вновь взвалил ящик на спину и сделал нам знак следовать за ним на вокзал.

5

Начальник станции поместил нас в строении в конце платформы, где когда-то была багажная касса и сарай. Александра Ивановна и Катя устроились в кассовой будке, где еще сохранилась небольшая плита, которую Паша тут же растопил, а мы – в прилегающем к ней сарае.

Вечером, после вкусного чая в кассовой будке, женщины

остались одни, как они сказали, помыться и постирать, мы же распрощались и ушли в сарай. Спать мы собирались на чудом уцелевших от набегов искателей топлива широких багажных полках. Пока старшие сидели на лавках вокруг ящика, на котором стоял принесенный из будки чай, Паша и я прилегли, чтоб не навязывать свое общество.

Листер и Толмачев продолжали начатый разговор.

– Как же вы смотрите на революцию, Владимир Николаевич? – спросил Листер.

– А никак, – ответил Толмачев, – она меня мало касается.

Листер молча посмотрел на Толмачева. Тот понял, что это был вопрос, и пояснил:

– Видите ли, что мужички поотбирали землю и поделили имения, никак меня не затрагивает, так как у меня никакой земли не было. Что же касается той области, которой я занимаюсь, то для нее, в конце концов, безразлично, что происходит на белом свете. Мы едем в Туркестан искать следы поселений более чем двухтысячелетней давности, основанных еще в эпоху Александра Великого; они погребены под мощными слоями песка, речных отложений, каменных осыпей, лёсса и нисколько не меняются оттого, что происходит на земле; даже наоборот, чем больше бурь, возмущений и катаклизмов наверху, тем более неизменными остаются погребения, так как глубже уходят под землю; так же, как на морское дно не влияет, происходит буря на поверхности или нет. И потом, – продолжал Толмачев, – нельзя себя заставить

определить свое отношение ко всему на свете. Вот, скажем, разразится гроза и вы спросите меня, как я к ней отношусь. Я не сумею вам ответить, плохо или хорошо, рад или не рад. Гроза есть гроза.

– Да, гроза есть гроза, – задумчиво подтвердил Листер.

– Но вы простите, Эспер Константинович, – продолжал Толмачев, – поскольку мы едем вместе, скажите: вы тоже из нашей братии археологов, хотя, признаюсь, я вашей фамилии не слыхивал?

– Нет, я солдат, – ответил Листер просто.

– Что же, участвовали в войне?

– Да, еще в японской.

– Артиллерист?

– Почему вы так думаете?

– Так мне показалось. Впрочем, прошу прощения, я, кажется, низко взял. Генерального штаба?

– Нет, – рассмеялся Листер, – вы угадали первый раз. Как раз артиллерист.

– Михайловского?

– Нет, Константиновского. Даже был фельдфебелем роты в училище.

Толмачев вздохнул:

– У меня двое сыновей легли, один еще в Восточной Пруссии, он был Михайловского, а другой – в Галиции. Вот мы с Александрой Ивановной и остались одни.

Листер промолчал.

Воцарилась пауза, такая грустная и такая знакомая в те годы, когда все считали ушедших.

– Ну, а вы как живете с большевиками? – прервал молчание Толмачев.

– Живу.

– Ведь вы кадровый?

– Кадровый.

– Ну и как?

– Да, как вы сказали: гроза есть гроза!

– Теперь это уже вы говорите, – улыбнулся Толмачев.

– Да ведь, в конце концов, – продолжал Листер, – отечество одно, народ один, служба одна, в основном ничего не меняется. Люди как деревья: если корни уходят достаточно глубоко, дерево переживет все бури.

Толмачев вздохнул.

– А как мы далеко от первого эшелона? – спросил он, видимо желая переменить тему.

– Комендант говорит, что потерял связь с ним. Первый эшелон вышел на неделю раньше нас, но на последней узловой станции выяснилось, что он не проходил. Надо полагать, изменил маршрут и от Бологого взял через Рыбинск. Теперь уж до Самарканда вряд ли увидимся.

– Который из наших двух эшелонов главный?

– Тот, первый. Там начальство, артисты и самое важное – вагон-кухня.

– Да, тогда тот главнее. А кто с нами едет?

– Насколько я вижу, – ответил Листер, – вы, ваша семья, моя скромная персона, Паша, его друг, назвавшийся Глебом (я замер), и третий молодой человек, Борис, отставший от труппы, по-видимому, актер.

Как раз в это время вошел Ратаевский.

– А вот и Борис, легок на помине, – сказал Толмачев. – Мы только что говорили о вас. Где вы пропадали?

– Был в городе.

– А мы тут перебирались. Что же вы нашли в городе?

– Да... – протянул Борис, – хотел посмотреть местный театр, думал встретить кого-нибудь из знакомых.

– Ну и как, повезло вам?

– Да нет, – неопределенно ответил Ратаевский.

– Ну так вот, – вставил Листер, – мы говорили о вас и решили, что вы отставший от главного эшелона актер.

– Не актер, а помощник режиссера, по-советски – помреж.

– Ах, простите! – чуть насмешливо отозвался Листер.

– Начинающий, – быстро поправился Борис.

– Опера или драма?

– Ни то, ни другое, новый театр, – ответил Борис. – Но я, конечно, пока не работаю самостоятельно.

– Но вы так молоды, – тянул Листер. – Я представлял себе режиссеров не иначе, как убеленных сединами.

– Да, так было, а теперь все переменилось.

– Помолодел театр?

– Да, отчасти помолодел.

– Тогда это хорошо.

Ратаевский внезапно вспыхнул:

– Что хорошего? Все разорено, разогнано, опоганено.

Листер поднял брови:

– Что-то я не заметил по балету в Мариинском театре, чтобы все было опоганено. По-моему, все как полагается.

– Да! Вы не знаете, что делается внутри театра. Там сейчас одни хамы! Вчерашние нищие!

Ратаевский был красен.

Паша заворочался на полке. Ратаевский замолк. Он, видимо, по разговору вначале не сомневался, что был среди своих, но внезапное молчание вызвало у него сомнение: не зашел ли он слишком далеко.

Но было уже поздно. Паша встал со своего места и стоял перед Ратаевским. Он был бледен, рот крепко сжат.

– Хамы? Нищие? А как называются люди, что воруют у нищих? Да еще у голодных, умирающих?

Ратаевский стоял, опешив. Краска начала сбегать с его лица. Все же он нашел в себе силы процедить:

– Я не понимаю.

– Не понимаешь? – Голос Паши звучал с невыразимым презрением. – А это понимаешь?

Он вынул из кармана золотой и протянул его на раскрытой ладони Ратаевскому.

Тот побледнел и отступил. Он стал тенью того, чем был минуту тому назад.

– Не знаю, что вы хотите, – бормотал он. – Что вы мне показываете?

– Не знаешь? – Углы губ Паши брезгливо опустились вниз. – А воровать знаешь? «Хамы! Нищие»! Тогда ты кто, если нищих обкрадываешь?

– Что вы ко мне пристали? – внезапно нервно взвизгнул Борис. – Я ничего не знаю.

– Зато мы всё знаем. Это из твоих вещей выпало, гадина. Но мы недооценивали Бориса. У него, вероятно, уже был опыт подобных ситуаций. Он завопил:

– Вы лжете! Вы ничего не нашли! Вы сами подложили! Вы только говорите, что нашли.

– Не я нашел, а Катя, – тихо произнес Павел, видимо с неохотой примешивая имя Кати к этому делу.

Это как будто добило Бориса. Секунду он простоял, не смея поднять глаза. Но в нем были еще какие-то резервы мужества.

– Ну да, это я оставил, – с отчаянием признался он. – Это было слишком много для них. Продукты и один золотой я отдал, а другой оставил для следующей партии голодающих.

– Кто вам поверит? – насмешливо отозвался Паша. – Чем вы это докажете?

– Вернитесь на ту станцию и спросите, – уже нагло ответил Борис, чувствуя, что ему, может быть, удастся вывернуться. – И нечего обвинять других, когда сам...

– Что – сам? – Гнев исказил лицо Паши. – Что – сам? Го-

вори, или я тебя сейчас...

Борис отступил. Страх быть битым был, по-видимому, еще сильнее, чем быть опозоренным. Он бормотал лишь:

– Нечего нападать на других. Тоже лезет. Подумаешь.

Внезапно он опустился на скамью около Толмачева, как бы ища защиты у него.

Я оглядел присутствующих. Паша все еще стоял с нервно подергивавшимся лицом и сжатыми кулаками. На лице Листера было выражение спокойного удовлетворения. Он, видимо, полностью наслаждался этой неожиданно разыгравшейся сценой.

Больше никто не сказал ни слова. Мы разостлали что имели по полкам, я и Паша на одной стороне сарая, Борис на противоположной, и устроились спать.

6

На следующее утро Паша и я встали рано. Ратаевского уже не было. Было ли у него какое-нибудь дело или он избегал встречи с окружающими, мы не знали.

Александра Ивановна и Катя выглядели выспавшимися и свежими.

За завтраком Листер не упустил случая рассказать о вчерашнем происшествии.

Кате было стыдно поднять глаза. Ей, видимо, казалось, что это бросает тень на нее, на всех.

В это время зашел молодой высокий начальник эшелона. Он пришел по делу, но его заставили сесть за импровизированный стол и выпить стакан чаю.

— Едем вечером, — сообщил он, — и в том же вагоне.

Все обрадовались.

Комендант, фамилия его была Соснов, разговорился. Несколько стесняясь, он объявил, что очень рад путешествовать в таком обществе, и рассказал, что до гражданской войны был рабочим электротехнического цеха Путиловского завода. Он расположил к себе всех. В нем была какая-то юношеская чистота и скромность.

— А что мы возем? — любопытствовал Толмачев. — Скажите, если не секретно.

— А у нас вообще ничего секретного нет, — ответил Соснов. — Мы возем как раз то, что обозначено на дощечках: «Питер — Туркестану». Смольный шлет Туркестану лучшее, что есть у нас и чего нет или не стало в Туркестане: медикаменты и нитки, бумагу и краски, музейные картины и книги, электрические лампочки, хирургические инструменты, и, кроме того, едет целая балетная труппа и оркестр. Цель ясна, — убежденно, но чуть заученно говорил он, видимо повторяя инструкцию, — привязать революционную окраину к промышленному и культурному пролетарскому центру, от которого она была отрезана последние годы.

Это было интересно, и я слушал, боясь проронить хоть слово.

– А чего вы спрашиваете, – вдруг изумился комендант, – будто сами не знаете. Ведь ваш вагон идет по специальному наряду Совнаркома.

– Про себя могу сказать, что я не знал, – отозвался Толмачев. – Совнарком посылает меня в Туркестан для археологических раскопок. Может быть, для вас это так же ново, как и для нас ваши слова? А теперь, зная, зачем я еду, вы, наверное, думаете про себя, что зря меня с такой помпой везут, что дело-то мое в такое время маловажное, а то и совсем ненужное.

– Ну, – промолвил комендант, вертя в руках пустой стакан, – раз правительство посылает, стало быть, нужно.

– И я верю в необходимость, – заговорил Листер, – так же как я верю в науку вообще и люблю ее. Но, по правде говоря, меня немного озадачивает, почему именно сейчас посылают археологов. Чтобы быть откровенным, скажу, что мне кажется более понятным, почему туда едет Александра Ивановна. Она ведь врач. Она там нужнее, чем вы.

– Ну ладно, давайте я вам объясню, – довольно добродушно ответил Толмачев, принимая вызов. – Видите ли, во всякое время, что бы ни было – революция или война, идет ряд работ, публике незаметных, но которые нельзя оставлять ни на одну минуту. Я имею в виду нашу работу: работу учителей, которые учат детей грамоте при всех режимах; геологов, которые неумолимо и планомерно ведут разведку во всякую погоду; топографов, составляющих карту террито-

рии; метеорологов, которые ведут наблюдения. Эта работа для государства и даже больше – для человечества, и как бы незаметна она ни была, в ней костяк жизни. И то, что правительство в такое время посылает археологическую экспедицию, доказывает, что оно это понимает.

Все помолчали. Листер вновь нарушил молчание:

– Тогда, если позволите, еще один вопрос. Хорошо, работа нужна и, допустим также, своевременна. Но каковы ее плоды? Ведь, в конце концов, что она дает? История крестовых походов, или наполеоновских войн, или, скажем, Великой французской революции дает ключ к жизни народов, борьбе армии, людей, вождей. Ну, а что конкретного дадут раскопанные могилы каких-нибудь обитателей Туранской низменности? Какое, собственно, удовлетворение дает историку раскопанное городище или курган? Хорошо, если найдут произведения искусства, а как нет?

– Вы знаете, – неторопливо ответил Толмачев, – вы зададите вопрос, который ставит себе почти всякий молодой археолог или историк (а мы те же историки, только вещественные). На него давно уже отвечено. Есть классики археологии, которые и с высоты кафедр наших лучших университетов, и в кружках, и в статьях все это не раз объясняли. Вот вы изволили упомянуть французскую революцию. Я ею не занимался, но этот период – это конец царствования матушки Екатерины, если не ошибаюсь, – должен кишеть всякими документами. Были, я полагаю, газеты, были журналы, сохра-

нились и дипломатическая переписка, и мемуары, и письма, и дневники.

– Но это же прекрасно! – прервал Листер. – Можно воссоздать полную картину.

– Ну что ж тут прекрасного? – возразил Толмачев. – Что прекрасного для ученого, когда все есть? Что же тогда остается на его долю. Как конторщику подшивать документы или как ребенку из кубиков складывать уже готовую картину? Благодарю! Вот что я вам скажу. Всякая наука – история или археология – становится тем более увлекательной и захватывающей, чем она труднее, чем меньше материала. Созидательная работа и количество материала должны быть обратно пропорциональны.

– Что же получается? Если вы найдете два кургана и в одном из них будет куча предметов, а в другом почти ничего нет, второй предпочтительнее? – усомнился Листер.

– Для истории предпочтителен первый, для историка – второй. Тысяча погребений и рукописей дадут полную историю и ни одного настоящего историка.

– Как это так?

– А очень просто. Тысячью рукописей будут заниматься историк-кладовщик или бухгалтер, систематизатор, в лучшем случае – художник или философ, но не наш брат-искатель – добытчик нового, исторгатель тайн. А вот я вам скажу... – Толмачев оживился, от обычной его степенности не осталось и следа, – я вам скажу, где начинается история, как

ее любят настоящие археологи: полторы кости, два камня и на одном из них три знака на неизвестном языке.

– Это, конечно, так, – задумчиво протянул Листер. – И вам, историкам, нужны свои Шерлоки Холмсы.

– Вот это точно, – согласился Толмачев, – только историки должны раскрыть не преступление, а факты далекого прошлого. И здесь, и там пепел, будь он от сигары или от костра, отпечаток пальца и обрывок бумаги или бересты с наполовину оторванным знаком есть материал для следователя, чтобы решить, кто убил; для нас – кто и как жил. А долголетняя переписка, да штук двести фотографий, да рассказ сотни свидетелей – это поле деятельности архивариуса.

Может быть, разговор продолжался бы и дальше, но в это время Соснов поднялся и попросил извинения – ему нужно было переговорить по прямому проводу со следующей депо-вской станцией насчет паровоза. Поднялись и мы все.

7

После погрузки мы вновь оказались в том же вагоне, хотя в нашем составе теперь шло уже два классных вагона. Второй был служебный, в нем ехали железнодорожное начальство и наша поездная бригада, а заодно с ней и Борис перебрался в него. Мы с Пашей заняли освободившееся купе и наговорились всласть.

– Ну что, Паша, – спросил я его, – не разоблачат ли меня

в конце концов и не вытурят ли?

– Не вытурят, – ответил он сдержанно.

Что-то было за этим.

– Паша, у меня же никаких бумаг нет!

– Доедешь, – повторил он.

Приходилось переходить на другую тему:

– Паша, а помнишь, как Ратаевский отбивался, будто он не утаил те золотые?

Паша вспыхнул:

– Убивать таких гадов надо!

– Как – убивать?

Паша понял это как технический вопрос:

– А очень обыкновенно: каблуком.

Он не глядел на меня, сидел бледный и злой. Но мы были старыми друзьями. Он решил что-то мне рассказать, поборол гнев и начал:

– Я их всех ненавижу. Много, много лет. С тех пор, как отца...

Голос его прервался. Он вновь поднял голову:

– Я тебе не рассказывал. Отец был машинистом на паровозе, это в последние годы, а так все ездил сначала кочегаром, потом помощником. Развился у него ишиас, у многих машинистов от разницы температуры у топки и снаружи, от сквозняков, от высывывания в окна бывает эта болезнь. Он уволился с дороги. Пошел работать на паровую мельницу механиком. Котельная маленькая, котел «Бабкок и Вилькокс»

старый, с полсотни лет, требовал ремонта. Отец говорил, хозяин Гончаров не слушал, ну, котел взорвался, и отец сварился.

Я весь съежился:

– Как – сварился?

Даже после всех этих лет Паша не мог спокойно говорить об этом:

– Охватило всего перегретым паром, и с него вся кожа слезла. Он мучился двое суток и умер. Вот я их всех и ненавижу... Нас осталось пятеро. Котельный инспектор за взятку составил акт, что взрыв и несчастный случай произошли по недосмотру механика. И ничего мать с хозяина получить не смогла.

Мы помолчали.

– Как же мать вас всех подняла? – спросил я.

– Ну как? – неохотно и скупно отвечал Павел, видимо насиливая себя. Порыв прошел. – Пошла сначала белошвейкой по домам, шила поденно, по рубль с четвертаком в день, работа непостоянная, часто без хлеба сидели... Потом в прислуги... к таким господам, как этот... Сколько стыда и горя натерпелась. Меня на последние гроши вытянула, я, как мог, тянул сестренку, и вот только революция... Слушай, ты, – внезапно обратился он ко мне, – мы с тобой товарищи, во всем товарищи, я тебе верю, во всем верю, и я тебя с ними не путаю, ты это знай...

После маленькой паузы он добавил:

– Только ты вот чудной немного, заучился, что ли? – Он впервые улыбнулся. – Ты не бойся, доедем, как надо, никто тебя не тронет.

Но желание задавать вопросы овладело мной не на шутку, я снова спросил:

– А что за человек этот Листер? Что он и кто он?

Паша опять замкнулся:

– Ну, кто. Ты же слышал: военный.

– А теперь что?

– Теперь? Опять же слышал: едет лечиться в Туркестан.

Голос Паши звучал уже чуть раздраженно. Я явно пережал педаль.

– Паша, а как приедем, что будешь делать?

– Как приедем, видно будет. Найдут дело.

– Кто найдет?

Паша помедлил, потом сказал, и в голосе его зазвучала нотка важности и гордости.

– Партия найдет. Я еду в распоряжение Туркбюро. Туркестанского бюро ЦК партии, – повторил он отдельно.

– Паша, а Толмачевы тебе понравились?

– Понравились, – просто ответил он. – Из тех, да не паразиты.

– А Катя?

Паша чуть покраснел. В спорте это был запрещенный удар – ниже пояса.

– А что?

Все было ясно без слов.

– Ну, давай ложиться, – сказал он, не подымая глаз.

Мы разделись в темноте, легли, и каждый стал думать свою думу.

Паша был прост и откровенен во всем, кроме, как я видел, некоторых тем, которых я не должен был касаться. Но это нормально. Революция научила нас уважению к тайне товарища. Каждый из нас знал, что он был волен спрашивать товарища о чем угодно, но что тот не был волен на все отвечать.

После этого разговора у меня еще больше защемила совесть. Мои вопросы, с которыми я наседал на Пашу, имели особую подкладку, хотя во всем этом я не отдавал тогда себе отчета: я держал себя так, будто нам нечего было скрывать друг от друга, и заставлял его переходить к обороне именно потому, что в глубине души больше всего боялся наступления. Я без конца спрашивал его, чтобы не дать случая ему спрашивать меня. Но я знал, что Паша не отвечал на некоторые вопросы из чувства долга; я же преследовал глубоко личные цели. Ведь я обманывал Пашу, скрывая от него истинную цель своей поездки. На самом деле я собирался немедленно же по прибытии в Туркестан, любыми правдами или неправдами, пробраться дальше за рубеж, в Индию. Как только представилась бы такая возможность, я бы уехал в ту же минуту, даже не попрощавшись с Пашей, который, ничего не подозревая, был просто орудием для выполнения моего плана.

Глава II

Чайхана-майдан

1

Не буду описывать всего пути, да он и не имеет прямого отношения к рассказу. Ехали мы почти шесть недель. Проехали Заволжье, синие дали оренбургских степей, Голдную степь за Аральским морем, простояли несколько суток в Ташкенте, но все это я помню очень смутно. Дело в том, что в результате «заготовок» дров, в которых участвовали мы все, хотя я что-то не припоминаю участия Бориса в этих предприятиях, я очень скоро свалился с плевритом и почти весь остальной путь пролежал в жару. Как сквозь сон помню строгое и уже немного чужое лицо Александры Ивановны, ее крепкую руку, которой она поддерживала меня под спину, когда выслушивала; Катю, озабоченно глядящую на термометр; Пашу. Я не вышел в город в Ташкенте – я был еще слишком слаб, – и жажда воздуха, движения, новизны появилась только на дальнейшем перегоне до Ферганы. Меня везли туда, не спрашивая. Слишком бессилён и безразличен был и я, чтобы спросить. Эшелон с подарками остался в Ташкенте, наш же вагон прицепили к другому то-

варному поезду.

Вот приезд в Фергану и все последующее я помню в мельчайших деталях. Поезд тащился еще медленнее, чем прежде, но как раз за это время я стал оживать и набираться сил. Целыми днями я сидел на подножке нашего вагона, вдыхая благодатный воздух степи. Летевшая от паровоза сажа слепила мне глаза и оседала на лице и на руках, но моим легким нужен был воздух, и я не уходил, пока не начинала кружиться голова.

В Фергане мы оставили вагон на попечение проводника и все порознь отправились в город.

Какое чудо был этот город! Узбеки в пестрых халатах, в тюбетейках, многие в чалмах; ишаки и верблюды, важно шествовавшие с выюками на своих горбах; арыки, текущие через город, шумящие тенистые ивы и тополя над ними; нескончаемые живописные базары с горами риса, лука, фруктов и миндаля. Мне еще по дороге приходило в голову, что следовало научиться говорить немного по-узбекски, хотя бы обиходным словам, но больше знать я не хотел. На первый взгляд такая сознательная ограниченность может показаться странной, но так оно было. Я специализировался на Индии, а санскритская грамота – ревнивая богиня и не терпит соперниц. Вот почему, приехав в Туркестан и не зная ни ислама, ни арабской культуры, ни тюркских языков, я и не стремился их узнать.

Я вышел из вагона с некоторым предубеждением против

той страны, в которую приехал. Конечно, это был уголок Центральной Азии, мечта стольких известных всему свету путешественников и искателей приключений, но все же это был только Ближний Восток, и притом его окраина; моя же душа, мои помыслы, моя фантазия принадлежали далекой Индии. Мой край был дальше, загадочнее. Узбеки, киргизы, караван-сарай, мечети были интересны; но подождите, я не дам себя отвлечь: я держу путь в еще более неизведанную и таинственную область – Лагор, Бенарес, Дели, старую Индию с ее дворцами, храмами, древними городами и великой тайной поэзии и искусства.

Итак, в Фергане мы разбрелись кто куда – по делам или просто так, – и я попал на площадь, со всех сторон обставленную чайханами. Какая чудная вещь чайхана! Она открыта с трех сторон, только сзади стенка, скрывающая помещение хозяина. Три же открытые стороны держатся на столбах с навесом над ними. Столов или стульев нет, и вся чайхана представляет собой сплошной, покрытый коврами помост с проходом посередине. Залезьте на ковры, подожмите ноги, позвольте чайханщику принести вам чайник чая и пиалу (он сделает это, не спрашивая), и вы оторвались от Европы, вы – часть мудрого и вместе с тем бездумного Востока; глядите, как разворачивается перед вами, подобно пестрому ковру, процессия жизни; хотите – перебирайте четки или бормочите молитвы, хотите – прихлебывайте терпкий зеленый чай и обменивайтесь немногословными репликами с друзьями,

хотите – сидите и думайте, а не то просто сидите.

Но тогда я, конечно, еще не вжился в Восток и не достиг необходимой степени мудрого спокойствия, и в ту пору доминирующим моментом во мне, несмотря на слабость и усталость, оставалась жажда новизны и чувство нетерпеливого любопытства. И кроме того, меня грызло сознание необходимости подыскать какую-нибудь работу, чтобы прожить до побега. Я не хотел более быть в тягость Паше и не хотел слишком долго его обманывать.

К сожалению, так просто сидеть я не умею, и, как известно, если ждать необыкновенного, оно так и не случится. Очень скоро я обнаружил бесплодность пустого глазения по сторонам. Поэтому по прошествии некоторого времени я вынул из кармана свой незаконченный перевод индийских стихов, положил его около себя и стал ждать вдохновения.

2

Мое внимание привлек громкий разговор, происходивший за перегородкой и становившийся шумнее. Говорили по-узбекски. Что говорили, я, конечно, не понимал. Потом люди вышли из-за перегородки и, продолжая спор, постепенно продвигались вперед, пока не остановились недалеко от меня. Полный старик без тюрбета и сапог, в домашнем одеянии, был, очевидно, хозяин чайханы. Во втором я без труда узнал чайханщика, принесшего мне чай. Третий,

очень высокий, широкоплечий молодой узбек, видимо, приехал из кишлака. Открытое, простое лицо его было обветренно, одежда выглядела выцветшей и изношенной, дорожные сапоги запылены, в руках он держал самодельную камчу.

Временами он порывался куда-то идти, но те двое кричали на него, хватали за рукав и уговаривали. Внезапно взгляд хозяина упал на меня и на мои бумаги. Какая-то мысль мелькнула у него в глазах. Он повернулся к молодому крестьянину и, понизив голос и сделав жест в моем направлении, сказал ему что-то. Тот после минутного колебания кивнул головой и подошел ко мне.

– Селям-алейкум, – сказал он вежливо.

Каким-то чудесным способом я сообразил и ответил:

– Алейкум-селям.

Этим я только ввел его в заблуждение, так как он стал быстро объяснять мне что-то по-узбекски.

Мне еле-еле удалось прервать его. Я стал непрерывно отрицательно качать головой и повторять: «Не понимаю, не понимаю». Затеплившаяся было у него в глазах надежда погасла. Но я продолжал смотреть на него без малейшего следа нетерпения или досады и с таким неподдельным интересом и симпатией, что он решился мобилизовать все свои познания русского языка.

– Твой пиши бумага, – сказал он мне, указывая на лежащие возле меня тетрадь и карандаш. – Мой – рахмат. – Он низко поклонился, прижав руки к сердцу.

Я поднял вопросительно брови.

– Лейла украл! – сказал он.

– Кто украл? – спросил я.

– Лейла украл, сестра украл, – повторил он, и в его глазах появилось бешенство, кулаки сжались.

Постепенно, с помощью других, удалось разобраться. Старик мираб в их кишлаке решил взять Лейлу, сестру стоявшего передо мной молодого человека, себе в жены и похитил ее. Ей было только тринадцать лет, и она давно уже была помолвлена с сыном соседа. Но семья Лейлы была должна мирабу много денег, и он ссылался на то, что покойный отец Лейлы обещал отдать ее ему в жены, если не заплатит долга.

Я без всяких колебаний принялся за дело и записал все имена на бумагу. Говорившего со мной брата увезенной и неизвестно где спрятанной девочки звали Рустамом. Чайханщики были его земляками и всячески удерживали его от принятого им решения – задушить своими руками мираба и силой вырвать из плена сестру Лейлу. Я покачал головой и сказал, что это всегда успеется, и лучше испробовать другие пути.

Я сложил бумагу и положил в карман. В двенадцать я должен был встретиться с Пашей. Оставалось еще полтора часа.

– Твой где будешь? – спросил я на местном «моя-твоя», которым начал стихийно овладевать.

– Моя – здесь, – ответил Рустам твердо. – Мой жди.

Совершенно незаметно сцена вокруг меня переменилась.

Кто-то отодвинул в сторону мою тоненькую книжку санскритских стихов, кто-то наливал мне горячий чай, возле меня появилась тарелка со сладостями и печеньем.

Я вспотел от смущения и унижения. Это было постыдно похоже на плату. Что же я, наемный базарный писец, который за рубль готов служить правому и виноватому? Нет, я готов был вмешаться лишь потому, что возмутился несправедливостью, что хотел исправить зло, что мне понравился Рустам и я обещал помочь спасти его сестру от дикого насилия. Но отказаться от угощения на Востоке не так легко. Это могло быть воспринято как обида; да, чего доброго, они подумают, что я не желаю делить хлеб-соль с туземцами. После некоторых колебаний я выпил пиалу зеленого чая и съел пару леденцов. Рустам и хозяйева из деликатности, не желая показаться навязчивыми, ушли к себе за перегородку.

3

Я был вновь один. Я уже привык к чайхане и теперь более внимательно оглядел площадь вокруг. Такие же чайханы окружали ее со всех сторон. В них кое-где на помостах восседали узбеки, молодые и старые, пили чай и беседовали. Я заметил, что чайхана напротив была короче нашей и между ней и примыкавшим сзади проулком было неширокое пространство, занятое будкой со стеклянной передней стенкой и целым никелированным набором кранов для воды и сиропа.

Я решил, что когда допью до конца зеленый чай (к которому я еще не привык), пойду и напьюсь холодной газированной воды. Так я и сделал. Оставив свои бумаги и санскритскую книжку на ковре, я пересек площадь и подошел к ларьку. За кранами и трубками почти петроградского типа, какими я помнил их с детства, еще до войны, и какие вновь появились во время нэпа, стоял темнокожий человек лет тридцати с густыми черными бровями и очень правильными чертами лица. Он мельком взглянул на меня и спросил с сильным восточным акцентом:

– Вода – сироп?

Я кивнул, взял стакан и с наслаждением выпил.

Сквозь доньшко стакана я увидел, что продавец внимательно смотрит на меня. «Он не может быть узбеком, – подумал я, – в нем нет ничего тюркского или монгольского».

– Вы что, не узбек? – спросил я.

Зубы его блеснули в какой-то почти неуловимой светской улыбке.

– Грек, – ответил он, – Кристи Кангелари. Ходи пить вода мой киоск. Круты дальше!

Он сказал, что он грек, но акцент у него обыкновенный кавказский. Странно. Впрочем, чего я ждал? Что он откроет рот, и польются гексаметры, и я услышу умолкнувший звук благородной эллинской речи? Это был вульгарный торговец, и говорил он как большинство торговцев-южан.

– А твой, – спросил он, в свою очередь, – сейчас приехал?

Я кивнул.

Внезапно он повернулся, схватил мухобойку и безошибочным движением убил осу, севшую на кран с сиропом. У него был совершенно атлетический разворот плеч.

– Что же, вы из Греции? – спросил я немного по-школьнически.

– Нет, – ответил он, – мы Кавказ. Анапа знаешь?

Ах, вот почему у него кавказский акцент!

Я отошел.

Становилось жарко. Холодная вода принесла лишь минутное обманчивое облегчение, и я чувствовал себя теперь хуже, чем прежде. Я пошел обратно к чайхане.

Издали мне показалось, что на моем месте кто-то сидит. Нет, я ошибся: на соседнем. Но сидевший, видимо, наклонился над моей книжкой.

Подойдя ближе, я увидел, что это был узбек. Мы, естественно, оглядели друг друга. Он смотрел на меня, вероятно, потому, что я был европеец, русский и в маленькой Фергане даже такой невидный юноша, как я (я был совсем как жердь после лихорадки и походил на длинную тень), мог привлечь внимание, я же – потому, что мне сразу бросилось в глаза его очень красивое, хотя и не слишком приятное лицо с тонко вырезанными чертами и особенно ясно прорисованными глазами.

– Здравствуйте, – кивнул он приветливо. – Извините за бесцеремонность – я думал, что кто-то забыл.

Было приятно слышать безукоризненную русскую речь. Я невольно улыбнулся в ответ. Мы были примерно одних лет.

– Как хорошо вы говорите по-русски, – сказал я. – Вы, – я сконфузился, боясь сделать ошибку, – русский?

– Нет, – рассмеялся он. У него оказались неровные зубы. – Я здешний сарт, или, как нас называют теперь, узбек. А вы ведь приезжий?

– Да, – ответил я.

– Откуда же? – заинтересовался он.

– Из Петрограда.

Глаза его округлились и с пристальным вниманием остановились на мне, но только на мгновение. Казалось, он с усилием смахнул их выражение.

– Вы не студент ли?

– Уже нет.

– Не естественник? – Вопрос звучал неискренне.

– Нет, я филолог.

Он вопросительно взглянул.

– Восточные языки, – пояснил я.

– Ах, да, – кивнул он. – Это ведь ваши книжки. Еще раз извините за нескромность. На каком же это языке и где издано?

– Тут помечено, что издано в Афганистане, – сказал я.

Краска сбежала с его лица. Он посерел. «Какой впечатлительный человек», – подумал я и продолжал:

– Но это просто случайность. В Афганистане немало ин-

дийцев, и они иногда метят изданные в Индии книги как афганские.

– А... язык? – заикаясь, спросил мой собеседник.

– Санскрит.

Мягко и, как я почувствовал, несколько приторно он обратился ко мне снова:

– Вы что же, бывали в Индии? Или в Афганистане?

– Ни там, ни там.

Постепенно краска вернулась на его лицо.

– Но вы должны хорошо знать Индию, раз вам знаком язык.

Я уже разгорелся к этому времени:

– Индию хорошо никто не знает. Индия – целый океан. Послушайте, что по этому поводу сказал один знаменитый путешественник по Индии, проводивший многие годы в странствованиях по ней. Он сделал тысячи наблюдений во время своих путешествий, написал и опубликовал пять огромных научных трудов. И вот когда ему на докладе в одном из важнейших географических обществ мира задали тот же вопрос, что вы мне: хорошо ли он знает Индию, – он сказал: «Что из того, что я годы ездил взад и вперед по Индии... Индия слишком велика и бездонна, чтобы ее можно было легко узнать. Я могу судить об Индии не больше, чем червяк, прогрызший книгу от корки до корки, может судить о ее содержании».

Это понравилось моему собеседнику, как понравилось

мне, когда я это впервые услышал. Он счастливо засмеялся и проговорил:

– Хорошо сказал.

После маленькой паузы он поднял голову и вновь обратился ко мне:

– Да, но вы не обыкновенный червяк. Вы червяк, умеющий читать.

– Немного, да. Но я еще не добрался до книги.

– Ваш чай остыл, – заметил он. – Я велю подать горячего. Вам нравится кок-чай?

Я смотрел на него молча. Он рассмеялся:

– А, понимаю. Еще не привыкли, и он вам не по вкусу.

Он сделал знак стоявшему в отдалении чайханщику, тот подошел. Мой новый знакомый распахнул свой пестрый ситцевый халат, под ним оказался другой, тонкий, шелковый, и вынул из-за пояса блестящую серебряную коробочку ювелирной работы. Он раскрыл ее, высыпал на руку щепотку черного чая и передал чайханщику. За это время я успел разглядеть коробочку. Это была серебряная офицерская лядунка с накладным золотым двуглавым орлом. Таких трофеев я в Петрограде видел немало. Заметив мой пристальный взгляд, он бросил небрежно:

– Славная безделушка. Купил здесь на базаре.

Через несколько минут на ковре появился чайник с крепким ароматным чаем, какого мы уже давно не пили в России, и неизменное блюдо со сладостями.

Я принялся пить с наслаждением, поблагодарив его взглядом.

– Давайте представимся друг другу, – сказал он, – а то неловко, не знаешь, как обращаться. Я – Файзулла.

– Глеб, – отозвался я. Фамилия на Востоке была, по-видимому, излишней.

– Ну и что же, вы думаете когда-нибудь попасть в Индию? – продолжал, как бы преследуя какую-то мысль, Файзулла.

– Не знаю, как удастся. Может быть, вы бывали там? – парировал я. Мне не очень нравилось, что он меня спрашивает.

– К счастью, нет.

– Почему «к счастью»?

– Так, знаете, – со вздохом, смысл которого был понятен только ему, произнес Файзулла, – в эти края не тянет.

– Вы не любите путешествовать? – удивился я. – Что может быть лучше? Неужели вы никуда не ездили?

– Да нет, я достаточно поездил и во многих местах побывал, но далеко отсюда.

– Где же? – полюбопытствовал я.

– Везде понемногу, – уклонился он.

– И что же вам больше всего понравилось? – настаивал я.

Он засмеялся и сказал:

– Вероятно, сказочный остров Ципангу.

Теперь округлились уже мои глаза. «Сказочный остров

Ципангу» – это рассказы о Японии, одна из любимых книг моего детства. Я загорелся. Передо мной сидел человек интеллигентный, способный, моих лет, с которым я мог говорить и который бывал на Востоке. И не в Индии, а еще дальше.

– Так вы были в Японии!.. – медленно и задумчиво повторил я и почувствовал, что вся затаенная тоска и желание дальних путешествий должны были прозвучать в моем голосе.

Внезапно мой собеседник отстранился от меня. В глазах его читалась не то злоба, не то испуг. Он волновался:

– Нет, нет, это я так сказал. Просто в детстве слышал. Я не знал, что вы знаете эту книжку. Я пошутил. Я, конечно, там не был.

Взгляд его вновь упал на мою индийскую книжку, и он быстро переменял тему:

– А что это у вас по-индийски?

– Поэзия, – вздохнул я.

Весь мой энтузиазм по отношению к любимому предмету вылился наружу, и я со всем жаром молодости потянулся к сочувствию, я жаждал найти аудиторию, поделиться с кем-то. Перед нами лежала залитая солнцем площадь, у нас не было никаких забот, я был возбужден непривычно крепким чаем. О чем было говорить со своим ровесником, как не о поэзии?

– Знаете, что я перевожу? Знаете вы это место в «Сакун-

тале»?

– Нет, не знаю, – ответил он.

Я поглядел на него. Черты лица изящны, глаза ясны, но интеллектуального блеска, который я знал, который был в глазах моих товарищей по университету, готовых просиживать дни за книгами или проводить длинные белые ночи на набережных Невы за спорами, – этого в нем не было.

– Хотите, я вам прочту свой перевод – я сделал в поезде, – предложил я и, не дожидаясь ответа, продекламировал. Потом я сделал небольшую паузу, сознавая, что постыдно напрашиваюсь на одобрение.

Он был изысканно вежлив:

– Чудесный перевод. В особенности конец.

Это было неверно. У него отсутствовал настоящий вкус. Конец был самым неудачным местом, и я решил его изменить. Но я уже не мог остановиться, мной овладел демон какой-то экзальтированной болтливости.

– А знаете вы это место у Анандавардхана? – болтал я. – Последнее купание небесной девы в драгоценном блистающем бассейне. Царь видит ее и говорит: «Мое сокровище, в хрустальном ты бассейне...»

– Как это? – задумчиво переспросил Файзулла.

Неопределенное выражение появилось в его глазах. Не насмешка ли? Нет, скорее какое-то лукавство, озорство или затаенная мысль, обращенная к самому себе.

– А хорошо ли? – вдруг тихо спросил он. – Может быть,

лучше звучало бы: «Мое сокровище, ты в мраморном бассейне...»

– Нет, – с горячностью возразил я, – вот я же помню оригинал, – и я привел эту строчку по-санскритски.

Но тут меня охватило академическое сомнение. А что, если он прав? Все-таки это стихотворение IX века. Может быть, он видел другое издание или другой вариант? Или мы вообще говорили о разных вещах?

– А как вы помните? – спросил я. – Где вы видели?

Новое выражение мелькнуло в глазах Файзуллы. Опять что-то похожее на испуг.

– Нет, нет, – поспешно заверил он меня. Его голос дрогнул. Он облизнул губы. – Конечно, вы правы. Я нигде не видел. Как вы сказали? «В хрустальном бассейне»? Конечно, так лучше. Я просто так сказал...

Какая-то тень нависла над нами. Я поднял голову.

– А, Глеб! – развязно сказал Ратаевский. – Я уже несколько минут слушаю ваши разглагольствования; хотя ничего не понимаю. Можно посидеть с вами?

И откуда он взялся?

– Я не знал, что и вы в Фергане, – буркнул я.

– Что, надеялись избавиться от меня в Ташкенте? Нет, там еще долго не будут играть, ремонтируют театр, а мне поручили поехать посмотреть, что и как в Фергане, на случай гастролей.

Я подвинулся и дал ему место.

– Познакомьте меня с вашим другом, – попросил он.

– Знакомьтесь, – сказал я. – Это Борис, это Файзулла.

Оба, не говоря ни слова и, как мне показалось, принужденно пожали друг другу руки.

Оставаться с Борисом и вести беседу о санскритской поэзии мне уже не хотелось. Я взглянул на часы. Был почти полдень. Я поднялся:

– Извините, я должен идти. Надеюсь, как-нибудь продолжим наш разговор.

Лицо и движения Файзуллы, когда он встал и протянул мне руку, были очаровательны.

«Какой все-таки природный аристократизм, какие манеры у этих людей Востока, – думал я про себя. – Или, может быть, это русский дворянский лоск и он получил его где-нибудь в России, ведь он так блестяще говорит по-русски, или это Дальний Восток. И бог знает, где он еще был». Во всяком случае новое знакомство произвело на меня впечатление, и я уходил почти счастливым. Теперь какой дорогой идти? Я пересек площадь, остановился и оглянулся кругом. Глаз мой поймал Файзуллу и Ратаевского. Они сидели на ковре в позе самой интимной беседы, если не перешептывания, головы их были сдвинуты вместе. Внезапно оба расхохотались. Борис крикнул что-то невнятное, но ухо мое уловило местоимение «ты». «Как это быстро у них получилось!» – удивился я.

Я отправился на встречу с Пашей у ревкома, чтобы сообщить ему о Рустаме, а уж потом искать пристанища и работы. Ревком помещался в бывшем губернаторском дворце. Там же находились и другие важнейшие организации. То ли от движения, то ли от воздуха мне очень хотелось есть. Однако это пришлось отложить.

Я дошел до ревкома. Паши на площади не было. В моей голове блеснула мысль поступить тут же на работу в какое-либо учреждение без помощи Паши. У меня были две руки и две ноги, я знал языки, грамотно писал, кое-как соображал – неужели я нигде не пригожусь?

Набравшись отваги, я зашел в комнату на верхнем этаже, где было написано «Предгорсовета», дождался очереди, вошел и с отчаянным видом и не без дрожи в голосе предложил свои услуги хотя бы в качестве секретаря. Председатель – плотный, пожилой небритый человек, в очках, за которыми виднелись холодные, малосочувственные глаза, удивленно воззрился на меня и спросил:

– А вы кто будете?

Я назвал имя и фамилию.

– Здешний? Что-то я вас не знаю.

Я ответил, что утром приехал из Петрограда.

– Ах, этим поездом! Очень приятно. Вы что же, по коман-

дировке? – Голос его звучал любезно. – Давайте ваш мандат.

Он протянул руку.

Тут я сам все испортил. Лгать для того, чтобы устраиваться, я не мог.

– Я не по командировке, – неуверенно ответил я.

– Как же вы, собственно? – теперь уже сухо и подозрительно спросил он.

– Да вот приехал.

– Ах, так приехали, и вы хотите быть секретарем горсовета. Так-так, – цедил он почти издевательски. – Ну, а какие документы у вас есть?

– Документы есть, в вещах. – Я не знаю, что я имел в виду. Вероятно, свидетельство об окончании университета.

И я вспыхнул:

– И напрасно вы, товарищ, разговариваете с людьми как с преступниками и ловите их, как воришек, за руки. Поверьте, не все жулики.

Он перешел к обороне:

– Я вас жуликом не называл, но довольно странно прийти с улицы или бог знает как приехать на поезде и потребовать, чтоб вас назначили на руководящую работу.

– Я не требовал руководящей работы! – почти со слезами выкрикнул я.

– А секретарь, по-вашему, не руководящая работа?

Разговор явно терял смысл. Мне стало все ясно. Какого маху я дал, какого дурака сваял, как я переоценил себя.

Горсовет и не думал бросаться мне на шею. Где-то заворочалась обида: «никому не нужен».

Но не это обезоруживало меня. Я мог бы объяснить, что не хочу быть секретарем, если это руководящая работа, что я имел в виду совсем другое и готов выполнять любое дело, хотя бы переписывать бумаги, и, может быть, переломил бы его, если бы не сознание того, что, в конце концов, прав не я, а этот неприятный человек. Ведь я действительно пытаюсь примазаться, лишь с одной целью – потом уехать. Нужно было кончать.

– Ладно, – сказал я, – когда-нибудь вы обо мне узнаете, – и вышел не без страха, что буду задержан.

Я чувствовал себя совсем больным и слабым. Ощущение голода прошло. Его убили моральный удар, унижение, разочарование. Во рту был вкус желчи.

В коридоре я нос к носу столкнулся с Пашей, озабоченно мчавшимся куда-то с ворохом бумаг.

– Ну, где ты пропадал? – остановил он меня.

Паша был мой лучший или даже единственный друг на белом свете, но мне было стыдно сказать ему, что меня только что позорно прогнали, когда я протянул руку за работой.

– Да так, знаешь, был в городе. И потом, Паша, – я подтащил его к глубокой нише окна, – дело есть к тебе срочное. Надо спасти девушку.

Паша, несмотря на то что спешил, остановился, весь внимание. Ах, как я любил его за это! Я рассказал ему про Ру-

стама и его сестру и передал листочки со всеми записанными на нем данными. Он молча положил их в карман. Рот его сжался, брови нахмурились; я знал, что Паша будет бороться с несправедливостью до конца.

— Ну, а теперь, — опомнился он, — иди со мной, тебя Листер и Толмачев хотят видеть.

В конце коридора на крайней двери висела табличка: «Археологическая экспедиция профессора Толмачева». Паша и я вошли не постучавшись.

— А, пропащий, — приветствовали меня, — вы как раз и нужны. Езжайте сейчас же к Александре Ивановне в больницу и везите вот все эти бумаги. Ревком передает имущество бывшего военного госпиталя нам, экспедиции, и больнице. Теперь и они, и мы разбогатеет. Пусть посылает завхоза, забирает все, что ей нужно для больницы, а на остальное ставит печать, мы увезем после. Ну, ступайте, не теряйте времени, внизу линейка, садитесь и езжайте.

— Подожди, Глеб, я подъеду с тобой до военкомата, там одно дело есть! — крикнул мне Паша вдогонку.

Мы сошли вниз.

— Что это за табличка? — спросил я. — «Археологическая экспедиция»? Так быстро?

— Ну, а что же? — ответил Паша. — Ты бы знал, какие люди в бюро сидят. Настоящие большевики!

Сколько искреннего восхищения, какая превосходная степень вкладывалась в это слово!

– Ну, а Листер? – спросил я.

Паша помедлил:

– А он решил, что лучшим лечением для него будет работа, и теперь он назначен заместителем Толмачева.

– Вот как! – удивился я. Впрочем, подумав, я прибавил: – Он может.

– Может, – подтвердил Паша.

Обо мне не было ни слова. Конечно, в археологическую экспедицию меня не возьмут, партия меня не пошлет. Кому я нужен? Кто мне доверит? Ну ничего, к вечеру вернусь в чайхану, переночую, а с утра начну искать что-либо...

– Ну, мне здесь. – Паша легко соскочил с линейки.

Через четверть часа я уже подъезжал к больнице на окраине города.

Александра Ивановна и Катя вышли мне навстречу.

– А вот и Глеб, – приветствовали они меня, как своего. – Давайте бумаги, нам уже звонили.

Александра Ивановна пристально посмотрела на меня:

– Опять зеленый. Должно быть, ничего не ел? Катя, води его в столовую, там еще не кончен обед.

Я действительно был голоден, как волк, и Катя только улыбалась, глядя, как я уминаю кашу.

Мы сидели в отдаленном углу теперь уже почти пустой столовой. Вдруг слышались шаги. Я поднял глаза и увидел переливы лилового шелка на полных плечах и пухлые женские руки в кольцах, обнимавшие Катю за плечи.

– А, Катишь, вы здесь, да еще с кавалером, – заговорила женщина высоким жеманным голосом. – Познакомьте нас.

Она выпрямилась и смотрела на меня. У нее было все преувеличенное: и яркие глаза, и пудренное лицо, и бюст, и несимметричный, с чересчур полными губами рот. Ей могло быть около тридцати лет.

Катя движением плеч освободилась из ее рук.

– Это Глеб Аристов. А это Юлия Викторовна, наша сестра-хозяйка.

– Очень рада. Еще один столичный молодой человек. Ну как вы нашли город и как вы находите нас? – Она глядела на меня нескромными яркими глазами.

Я ничего не мог ответить.

– Но вы ешьте, я вам помешала. Катишь, что же вы кормите его кашей? Там есть кое-что получше.

– Это для тяжелобольных, Юля.

– Ну и что? Для такого гостя нет законов.

Но я уже встал:

– Спасибо, Катя, я сыт. Пора возвращаться в город.

Вошла Александра Ивановна и попросила меня передать Владимиру Николаевичу, что она поместилась во флигеле и что ему приготовят комнату.

– А сейчас возьмите Катю с собой, – добавила она, – пусть проветрится, а вечером привезет Владимира Николаевича.

– И я с вами в город, и я, – вызвалась Юля.

По дороге Юля без умолку говорила о том, какая чудная

женщина и самоотверженный врач Александра Ивановна (в надежде, что мы ей это передадим), как знаменит в Туркестане ее муж и как она помнит Катишь еще ребенком. Она сидела близко, и мне было жарко и неудобно. Я опускал глаза, чтобы не смотреть на нее.

– Что вы все смотрите на мои чулки? – повела она ногой. – Это контрабанда из Афганистана; если бы вы знали, как трудно доставать.

– Но я вовсе не смотрю на ваши чулки, – смутился я.

– Да, да. – И она погрозила пальцем.

«Боже, – с тоской думал я, – и откуда берутся такие! Она только грязнит Катю».

5

Когда мы доехали до той площади с чайханами, где я сидел утром, Юля, оглянувшись, внезапно заявила, что она сойдет здесь, и попросила нас захватить ее на обратном пути.

«Что ей здесь делать? – подумал я про себя. – Одни узбеки, а с ними вряд ли у нее что-нибудь общее».

В ревкоме никого не оказалось. Нам сказали, что наши уехали с председателем ревкома осматривать место будущих раскопок.

Делать было нечего. Оставив линейку, мы с Катей направились пешком к площади с чайханами, или «чайхана-майдан», как я стал называть ее.

Немного проплутав, мы попали в тот проулок, который примыкал к площади сзади киоска. Внезапно Катя почувствовала, что в туфлю ей попал кусочек щебня; она остановилась, чтобы вытряхнуть его, и оперлась о тонкую стенку киоска. Сквозь нее до нас явственно доносились голоса, и мы невольно стали свидетелями разговора.

– Да нет, это просто дети, мелюзга, – говорила Юля.

– А отца видела? – спрашивал мужской голос. По тембру это был как будто голос грека, но странно, на этот раз он говорил совершенно правильно и в нем не было и следа восточного акцента, а был другой, тоже не русский.

– Пока еще нет.

– А она?

– Она ничего, старомодная и слишком занята больными, чтобы мешать мне.

– Ты постарайся подружиться со всеми мужчинами, сделайся необходимой, пусть привыкнут видеть тебя все время. Найди кого-нибудь, чтобы ухаживал за тобой.

– Это и так все делают, – самодовольно приснула Юля.

– Ну, ну. Эти приезжие должны иметь высокие связи наверху. Смотри. И помни: главное – военные.

Наступила пауза. Катя и я стояли молча, глядя друг на друга. Все это было так неожиданно, так отвратительно.

Но что нам было делать теперь? Выйти из-за киоска? Они поймут, что мы слышали их разговор.

Я выглянул за угол.

С другого конца площади шли Ратаевский и Файзулла, но они не видели меня. Файзулла что-то быстро говорил, потом кивнул Борису, пошел к чайхане и лег на то же место, на котором я оставил его утром.

Борис шел прямо на киоск. Я снова нырнул за прикрытие. Очевидно, и обитатели киоска пристально следили за ними, так как я услышал повелительный голос грека:

– И эти, оба. Узнай и познакомься.

– Хорошо, – прозвучал покорный ответ Юли.

Сама судьба тут же сыграла ей на руку.

Борис уже стоял у киоска и заказывал прохладительную воду. Акцент грека вновь переменялся на кавказский. Он суетливо и навязчиво предлагал халву, баклаву, шепталу и другие сласти, перемежая все словами «круты дальше».

Мы с Катюшей воспользовались этим моментом и вышли из-за прикрытия.

– А, Катя и Глеб! – крикнул нам Ратаевский. – Вот встреча. Идите сюда, тут чудные пирожные, совершенно довоенные.

Катя и я отказались, но нас стали уговаривать. Постепенно завязался общий разговор. Юля не отрывала глаз от Ратаевского и буквально забросала его вопросами:

– Неужели вы тоже из Петербурга? Я о вас столько слышала, – жеманно лгала она. – Вы приехали тем же поездом? Боже, как я вам завидую! Петербург, Царское, Александрийский театр, балет – у меня голова кружится. А что носят те-

перь в Петербурге?

Она, должно быть, непроходимо глупа. Что могли носить в Петербурге в те годы, когда страна только что выходила из мук гражданской войны?

– Как жарко! – Она вынула из ридикюля небольшой складной белый веер. Этими изъеденными молью раритетами кишели тогда барахолки в Петрограде. – А что идет в театрах?

– Да все то же, – поддержал разговор Борис. – Впрочем, у нас свое направление.

– У вас. Боже, как интересно! Какое же?

– Гофман, – сказал Борис.

– Гофман! – воскликнула Юля, как будто она знала, о ком или о чем идет речь.

– Да, да, знаете, его фантастические рассказы, там глупина, символика, особенно для нашего времени. И потом – биомеханика.

Юлю такой разговор несколько утомлял.

– Ну что ж, скоро мы домой? Давайте все вместе, – предложила она.

Я ответил, что ждем линейки.

Это как будто не совпало с планами Юли. Линейка могла разбить компанию.

– Лучше пойдем все вперед до сада и там посидим, а линейка пусть догоняет. А Кристи, неизменный Кристи, – она послала ему обворожительную улыбку, – скажет кучеру, чтоб подал туда.

Кристи только сверкнул зубами в знак согласия.

– Круты дальше, – сказал он и помахал рукой.

Мы двинулись в путь. Юля болтала с Ратаевским уже как со старым знакомым:

– Если бы вы знали, как скучно здесь. Ведь никого нет!

– Где же все? – спросил Ратаевский. – Я думал, по крайней мере здесь все на месте.

Юля пытливо взглянула на него.

– Да что вы, всех разбросало, никого нет. Кроме нас двоих. – И она обожгла его взглядом.

Этот стиль разговора был вполне в духе Бориса.

– Как я рад этому! – воскликнул он.

– И я! Буду на вас рассчитывать. Приходите к нам в больницу. Спросите сестру-хозяйку, и вас проведут ко мне. Или знаете что, проводите меня сейчас к тете Адье... Катишь и Глебчик! Борис проводит меня. Я вернусь позже одна.

В то же мгновение сзади послышалось шуршание колес по песку. Линейка нагнала нас. Паша вышел из нее, помог сесть Кате, усадил меня рядом с ней, сам сел напротив. На Бориса и Юлю он и не взглянул. Те двое отошли на несколько шагов в сторону, чтобы их не запыхал экипаж. Юля послала Кате воздушный поцелуй, и последнее, что я видел, были их фигуры, сворачивавшие в боковую улицу.

Сидя в линейке, Катя и я рассказали Паше про тот странный разговор, что мы слышали в киоске.

Паша не переспрашивал, даже не кивнул головой, но уже

одно его молчание свидетельствовало о том, какое значение он придавал нашему сообщению.

Когда мы кончили, наступила маленькая пауза. И тут мне показалось, что я лишний. Я подумал, что Паша и Катя, наверное, хотят поговорить друг с другом без меня, я давно заметил, что они любят бывать вместе и что у них не много случаев для этого. Долг свой я исполнил: передал Паше и о разговоре у грека, и о Рустаме. Ну, а теперь чего я, собственно, увязался за ними?

Я тронул возницу за плечо, сделал знак, чтобы он придержал лошадь, и через секунду был уже на подножке. Паша схватил меня за руку, я увидел встревоженное и умоляющее лицо Кати, но остановиться уже не мог. Я только сказал невнятно, что я что-то забыл, вернусь, езжайте – и пошел по той же дороге назад.

Мы отъехали дальше, чем я думал. Было очень жарко, и я почувствовал, что не иду, а плетусь. Как странно! Никогда бы не поверил, что можно сразу так обессилеть. Я шел по пыли и по жаре почти автоматически и опять в направлении площади. Я прибрел к ней с другой стороны и тут же увидел киоск. Он был закрыт. По инерции я доплелся до своего прежнего места в чайхане, с трудом взобрался туда.

Дальше я ничего не помню.

Я очнулся ночью в незнакомом домике. Сильно хотелось пить. Я с трудом пошевелил губами, какая-то старуха узбечка сразу же встала с места напротив и подала мне пиалу. Но пить я не мог и только пролил воду на себя.

Я был в узбекской кибитке (так местные жители называли дома), и за мной ухаживали люди, говорившие между собой на незнакомом мне языке. Но как я попал сюда? На четвертый день я узнал наконец человека, которого не раз смутно видел склонившимся надо мной. Это был Рустам. На лице его была смесь тревоги и облегчения.

– Да будет благословен Аллах, – произнес он по-узбекски. – Твой лучше.

Я что-то прошептал одними губами.

– Кушай шурпа, – подал он мне касу с бараньей похлебкой.

Запах супа дошел до моих ноздрей, и я почувствовал, что голоден, как волк.

Я взял касу дрожащими руками и принялся есть шурпу. Рустам быстро разломал на куски лепешку и бросил их в касу. В глазах его была неподдельная радость.

– Якши! Якши! – повторял он. – Твой будет здоров.

Обессилев, я откинулся на подушку и заснул. Видимо, я выздоравливал.

На следующий день я уже более или менее разобрался в том, что произошло со мной. Когда я потерял сознание в чайхане, Рустам, не зная, кому меня сдать, увез с собой в кишлак.

Но самый большой сюрприз ждал меня после обеда.

Дверь открылась. На пороге стоял Павел.

– Здорово, Глеб! – сказал он с той неловкостью, какая бывает между молодыми стесняющимися людьми.

Я был в состоянии полного равновесия и счастья и в тот момент не помнил ничего плохого.

– Здорово, Пашутка! – ответил я.

– Чего же ты развалился! Вставай, пойдем.

Я сделал движение, пытаюсь подняться, и упал обратно на подушку.

Паша крепко схватил меня за руки:

– Сумасшедший. Я ведь пошутил. И тогда чего ты сорвался? Невозможный ты человек. Как мы тебя искали повсюду!

Только потом Рустам рассказал мне.

– Ну, а как с его сестрой? – перебил я.

– С сестрой? – переспросил Паша.

Он поднялся, подошел к двери и позвал:

– Катя, Лейла!

В комнату вбежали с сияющими лицами и бросились ко мне светловолосая Катя и молоденькая девушка с двумя черными косами и живыми черными глазами – Лейла. Они сели возле меня и стали тереть меня за руки.

– Ну, слава богу, выкарабкался, – говорила Катя. – А мы так беспокоились. Мама была здесь два раза и велела не трогать. Мы привезли целый ворох лекарств. Только теперь уж, наверно, не нужно. Мы просто заберем вас с собой.

– Как это заберете? Никуда я не поеду. Не беспокойтесь обо мне.

Хотя я и сидел насупившись, я на какое-то мгновение перехватил взгляд Павла. В глазах его почудился мне затаенный огонек, как будто он понимал меня лучше, чем я сам.

– Как же не беспокоиться! – проговорил он. – Обязаны беспокоиться.

– Почему обязаны? У вас есть свои дела, вы о них побеспокойтесь.

– У нас общие дела, – мягко сказал Павел.

Катя и Лейла сидели молча, не выпуская моих рук.

– Какие общие дела? – спросил я вызывающе, не чувствуя, однако же, прежней твердой почвы под ногами.

– Да по работе.

– Какой работе?

– Ну, вот видишь, я виноват перед тобой. Я тебе хотел показать тогда на линейке, но ты как сумасшедший кинулся от нас.

– Что ты хотел показать? – не понимал я.

– Да приказ.

– Какой приказ?

– О назначении тебя ученым секретарем археологической

экспедиции.

Меня как в грудь ударило: я был не одинок, обо мне думали, я был нужен. И тут, перед всеми, я расплакался. Я был настолько слаб, что не имел сил сдержаться. Я натянул поверх головы одеяло. Все, не говоря ни слова, вышли.

Глава III

На голубом озере

I

Меня увезли в больницу, где я пролежал еще неделю. Раз два ко мне приезжал Рустам, каждый раз привозил какой-нибудь гостинец – обычно изюм, прошлогодний сушеный урюк, миндаль, орехи, тутовые ягоды, которые мы тут же в саду весело поедали.

Менее приятным человеком в больнице была Юля. Нас с Катей не удивляло, когда после различных предварительных заходов она начинала забрасывать беглые и как бы невинные вопросы про экспедицию, про Листера, про то, кого мы знаем в Москве и здесь, в Фергане, и не раз про Бориса Ратаевского. Мы с Катей отвечали общими фразами, а когда она уходила, молча переглядывались.

На восьмой или девятый день я переехал в город к Паше. Настало время выезжать на место раскопок. Это связано было с хлопотами по учреждениям, с добыванием всяческого имущества, транспорта, пропусков, с разочарованиями и руготней – и во всей этой суматохе, в этой, по существу, наиужнейшей и наинеотложнейшей работе не было человека

более бесполезного и лишнего, чем я. Когда я пытался задавать какие-либо вопросы, то только дискредитировал себя. Всем делалась ясной моя наивность и никчемность в практических и хозяйственных делах.

Еще сильнее я боялся того, что оскандаюсь на весь мир как ученый секретарь. Ну какой я ученый секретарь, да еще археологической экспедиции, да еще по Ближнему Востоку? Мои товарищи в Петрограде хохотали бы до упаду по этому поводу или, что еще хуже, сочли бы меня выскочкой и самозванцем. Я боялся и знал, что провалюсь, как только мне зададут сколько-нибудь серьезный вопрос по истории или географии мусульманского мира, и тогда раздастся крик: «Как это у него хватило наглости взяться за такую работу?» Я высказывал свои страхи и опасения Листеру (Толмачев был в отъезде) и не раз просил освободить меня от этой работы и назначить младшим помощником третьего гробокопателя, что вполне соответствовало бы моим способностям и опыту, но он только улыбался в ответ и отделивался такими фразами, как «научитесь», или «не боги горшки обжигают», или «общая подготовка у вас есть, остальное приложится», или еще более загадочными: «Не мудрите, те, кто назначали, тоже кое-что кумекают».

Раза два я ходил на площадь с чайханами в неосознанной надежде снова видеть Файзуллу и отвести душу в беседе о Востоке. Не то чтобы я чувствовал к Файзулле особую симпатию или мог рассчитывать на понимание тонкостей ин-

дийской поэзии, но все же он был отголоском драгоценного для меня Востока, и с ним я в какой-то мере оживал. Но Файзуллы не было, а когда я пробовал заговаривать на хинди или просто заводить разговор на индийские темы с другими узбеками, я натыкался на недоумение и вскоре убедился, что знание хинди, а также поездки в Индию были для тогдашних туркестанцев величайшей редкостью...

Экипировкой и сборами экспедиции занимался Листер; Толмачев, как я уже говорил, на третий день уехал в Самарканд. По поручению Академии наук он должен был руководить постановкой раскопок в большом масштабе, в нескольких местах сразу.

Паша запирался у себя, иногда же выходил и принимал участие в сборах. Как обычно, он бывал молчалив, и за что бы он ни принимался, все у него спорилось. Если что-нибудь делалось не так, он брался и делал сам или, выпрямившись, глядел с высоты своего роста, прямо и холодно, не говоря ни слова, на виновника какого-либо упущения или неполадок. Где он, молодой человек моих лет, усвоил эту манеру, я не знаю, но действовала она безошибочно.

Экспедиция обогатилась еще несколькими сотрудниками. Из Ташкента приехал Соснов, сопровождавший нас в Туркестан в качестве коменданта эшелона. Оказалось, что за время поездки он подружился с Листером, и тот уговорил его задержаться на лето в Туркестане на работе в экспедиции. Появилось еще трое мужчин – Савостин, Федоров и Феокти-

стов, крепких, ширококостных сибиряков, очень здоровых физически, шутя переносивших шкафы, сундуки, палатки, охалки лопат. Больше всего эти три мушкетера (так мы их называли) походили на красных курсантов, которых я знал в Петрограде; у них было несокрушимое здоровье, военная выправка и профессиональная немногословность. Неприятно было узнать, что они служили в Сибири у Колчака, но, быть может, их насильственно мобилизовали. Все трое знали обиходные слова по-узбекски достаточно, чтобы сговариваться и давать беглые распоряжения, тогда как я сам удивлялся тому, какие малые успехи я делал в изучении языка, хотя и считал себя лингвистом; язык как-то не лез мне в голову. Состав экспедиции пополнился тремя десятками рабочих – узбеков и таджиков – в поношенных или даже рваных халатах, по всем признакам бедных, неустроенных людей.

2

Я мало разбирался в том, как экспедиция собиралась работать, а застенчивость мешала расспрашивать других. Да и притом, если уж честно говорить, в глубине души я ни капли не интересовался ни экспедицией, ни ее составом, ни даже ее целями – мои мысли были все еще заняты своим, и я не в силах был оставить тот первоначальный план. Хотя я был тронут до слез неожиданным вниманием к себе, хотя оно если и не изгладило, то нейтрализовало обиду, полученную в

горсовете, расстаться со старой мечтой, в которую я вложил всего себя, я не мог. Я твердо решил, как только выдастся случай, завязать связи со всеми возможными организациями и добиться, чтобы меня послали за границу.

Оставаться же совершенно равнодушным к экзотической обстановке вокруг оказалось тоже невозможно. Почти против моей воли до меня доходили черты обаятельности и неповторимости того Востока, на который я не хотел смотреть: и тысячелетняя мудрость, и поэтичность, и благородство манер, распространенных в простом народе, и художественная одаренность, находящая себе выражение в самых незначительных предметах обихода, вкус и такт в отношениях между людьми. Я замечал, что даже названия отдельных уголков этого мира начинали звучать для меня неповторимой музыкой: сказочная благородная Бухара с ее тысячей мечетей, минаретов и медресе; Самарканд – перекресток «шелковых дорог», в течение многих столетий культурный светоч Центральной Азии; таинственная, затерянная в песках в низовьях Аму-Дарьи белая Хива; мутный и бурливый Пяндж, по другую сторону которого находятся эти фантомы нашего детства – Памир, Гиндукуш, Афганистан, – отделяющие нас от полной тайн Индии.

Как питомец «двенадцати коллегий» и книжный червь, я, конечно, не мог обойтись без книг. По совету Листера, я разыскал в Фергане помещение, где была свалена библиотека дышавшего в то время на ладан филиала Русского геогра-

фического общества.

Навстречу мне вышел небольшого роста пожилой человек в поношенном пиджаке и не по росту больших брюках. Он был суетлив, нервен, и склеенное в нескольких местах пенсне поминутно спадало с его носа. Вдобавок к этому он еще и заикался.

Заика в пенсне оказался библиотекарем. Фамилия его была Лишкин. Он вначале очень несочувственно отнесся к моему желанию познакомиться с библиотекой, но когда я назвал некоторые интересовавшие меня книги, глаза его перестали бегать, он несколько секунд безмолвно смотрел на меня, а потом пошел и открыл сарай с книгами, откуда я стал без стеснения их брать.

Это было интересно. До тех пор я стоял перед Туркестаном, как нищий перед запертой дверью. Теперь в моих руках была связка ключей. Я жадно читал «Туркестанский край» Масальского и немало дивился этой совершенно энциклопедической книге. Потом пошли Бартольд и Наливкин, Вамбери и Логофет, Федченко и Мушкетов и другие упоительные и увлекательные книги о Средней Азии и мусульманском мире. Зато, как назло, достаточно хорошей карты Туркестана и в особенности интересовавшей меня приграничной зоны я найти не мог.

Помню одно маленькое замечание Толмачева, сделанное в поезде. Я вообще запоминаю такого рода оброненные слова и когда-то был склонен думать, что они могут играть боль-

шую роль, чем развернутая лекция. Теперь я убежден, что происходит это лишь в том случае, когда слова падают на подготовленную почву – тогда достаточно намек, кристаллизационной соринки, чтобы созрело убеждение, прозрение, теория.

Так вот, на вопрос Толмачева, что я думаю о Туркестане, я ответил, возможно, глупо, но искренне: «Это ворота в таинственную Азию». На что Толмачев бросил:

«Эх, молодой человек, этак вы рискуете пройти мимо самого главного. Глеб, Глеб, – сокрушенно промолвил он, – вы страдаете тем же пороком, как и многие люди в нашей стране: “что имеем, не храним”. Не ворота, а двор, и не проходной, а жилой двор, не чужая, а родная земля, не ключ к секретам, а сам секрет, не увертюра, а опера, не маневры, а сражение. Вот унесет вас судьба отсюда, потеряете – будете плакать».

Я понимал справедливость его слов, но иллюзии и предубеждения делают нас упрямыми. В конце двора мне мерцал мой волшебный индийский храм, который я не мог ни на что променять; я должен был до него добраться.

3

Наступил день выезда на место раскопок. Мы поднялись на рассвете, так что лишь бессонные чайханщики и редкие прохожие были свидетелями нашего выступления. Я до сих

пор помню, в какой чудный мир мы вновь погрузились, выйдя за последние кварталы города. Дорога часто шла мимо закрытых со всех сторон глиняными дувалами владений, и какая густая зеленая свежая трава блистала повсюду, какие синие горы были вдаль, какие прекрасные бурливые, холодные и совершенно прозрачные реки мы пересекали! Проехали местечко с чудным романтическим названием Вуадиль, вечером достигли сурового каменистого Шахимардана и, не мешкая, отправились дальше по неровной, покрытой щебнем дороге, тянувшейся по долине речки Аксу до ее впадения в Голубое озеро. На этом участке пути мы уже спотыкались от усталости и шли как в тумане; дошли до озера, вероятно, около одиннадцати часов вечера; лошадей отпрягли, стреножили и пустили на траву; рабочие развели огонь и стали кипятить котлы; я же, не дожидаясь ужина, бросился на одеяла и баулы и заснул мертвым сном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.